
ИТОГИ ПОЛУВЕКОВОЙ ОБРАЩЕННОСТИ АРМЕНИИ К ОСИПУ МАНДЕЛЬШТАМУ

В Армении 125-летие со дня рождения Осипа Мандельштама совпало с еще одним юбилеем, связанным с именем поэта: 50 лет назад в январе 1966 года журнал «Литературная Армения» опубликовал его стихотворный цикл «Армения».

Но память об этом цикле вернулась в Армению еще раньше: в летних номерах журнала (№6,7) за 1965 год была опубликована известная сегодня проза об Армении Василия Гроссмана, в которой он, в частности, вспоминал «прекрасные» стихи Мандельштама, «истинного и чудного поэта».

За прошедшие десятилетия стихи и проза Мандельштама об Армении публиковались не раз, в том числе и в переводе на армянский. В 1989 г. в Ереване вышла в свет и книга, представившая его поэзию. Появилась за это время и своя, достаточно обширная, литература о Мандельштаме. Наряду с журналом «Литературная Армения» с 1980-х основной издательской площадкой для статей о Мандельштаме стал «Вестник Ереванского университета» /Общественные науки/. Многолетней работе талантливого переводчика Рачия Бейлеряна (1952-2013) подвела итог изданная в 2012 г. книга, представляющая армянскому читателю как поэзию Мандельштама, так и «Путешествие в Армению» и ряд статей.

В Ереване дважды проводились «Мандельштамовские чтения». Первые – в преддверии 100-летия поэта – состоялись в декабре 1990 года, на факультете русской филологии Ереванского государственного университета. На чтениях выступил известный русский поэт Михаил Дудин. В центре внимания докладчиков (9 докл.) были «армянские» страницы творчества Мандельштама. В связи со 100-летием поэта в Союзе писателей Армении был организован «круглый стол» с участием литературоведов, критиков, переводчиков, писателей.

Вторые «Мандельштамовские чтения» состоялись в октябре 2011 года в Российско-Армянском (Славянском) университете. Здесь было прочитано 19 докладов, в том числе российскими литературоведами (Н.А.Богомолов, И.З.Сурат, А.Г. Мец, О.А.Лекманов).

В настоящем своде представлена сложившаяся в Армении литература, посвященная Мандельштаму. Представлена она в приеме библиографии, существенно дополненной аннотациями и показательными выдержками из текстов. Материал расположен по хронологии, внутри года – в алфавитном порядке. Принятые сокращения: журнал «Литературная Армения» – ЛА,

Вестник Ереванского университета» /Общественные науки/ – Вестник.

Составители выражают благодарность Г.И.Кубатьяну за помощь в сборе и описании материала, относящегося к переводам и изданиям на армянском языке, а также сотруднице кафедры русской литературы ЕГУ В.А.Адамян за участие в рабочем процессе.

**Наталья Гончар
Карине Мхитарян**

1966

1.Мандельштам О. Армения /цикл стих.: 1-12/. – Литературная Армения, № 1, с. 48-52.

Публикация предварена заметкой «От редакции», где, в частности, говорилось: «Одной из излюбленных поэтических тем Мандельштама была история: прошлое, от которого остаются жить в настоящем вечные, неумирающие ценности; время, запечатлевающееся в облике народа, страны, земли, и время же, обновляющее их облик. Именно такое поэтическое значение имел для Мандельштама Крым, где он часто и подолгу жил, именно такой увидел и почувствовал Мандельштам Армению, побывав в ней летом 1930 года». Далее помещен микромуар Гургена Маари, видного уже в 1920-30-ые гг. поэта, писателя, вернувшегося в литературу после ГУЛАГа (1936-1954) и создавшего ряд произведений, принадлежащих к классике армянской литературы XX века. «Он появился в Ереване летом 1930 года, - вспоминает Г.Маари, - и впервые я увидел его в вестибюле нынешней гостиницы «Ереван». Он был с женой, одет легко, по-дорожному, но никаких чемоданов, никаких вещей. Был он худощав и невысок ростом, голова откинута назад, черты лица крупные, выразительные, в глазах – беспокойство, и весь он какой-то напряженный, тревожный, нервный...». Эпиграфом к циклу редакцией помещено четверостишие. «Как бык шестикрылый и грозный...».

2.Цветаева М. История одного посвящения. – Там же, с.53-68.

Первая в СССР публикация очерка Марины Цветаевой, обращенного к О.Мандельштаму. Публикация была подготовлена при непосредственном деятельном участии А.С.Эфрон и представлена А.А.Саакянц. Совместными их усилиями были подготовлены и текст (по рукописи, хранившейся в цветаевском архиве в Москве), и примечания, и вступительная заметка, о чем свидетельствуют письма А.С.Эфрон к Н.А.Гончар от октября и ноября 1965 г. (см. в кн.: «Марина Цветаева в ереванских публикациях 1960-1990-х». Ер., «Наири», 1999, с.141-143) . Во вст.заметке, в частности, говорится: «Как это свойственно цветаевской прозе, «История одного посвящения» шире своей темы. Здесь Цветаева пишет и о себе самой, о своих близких, о самых первых своих шагах в поэзию. Но в центре «Истории», конечно, стоит ее «герой» – Осип Эмильевич Мандельштам. «История одного посвящения» – это живое слово о живом человеке, притом – поэта о поэте. Ставшая аксиомой мысль, что для поэта не может быть мелочей, получила здесь блестящее подтверж-

дение. Цветаева обладала даром показать человека в «повседневности» так, что любая деталь, как бы она ни была мелка, говорила о большом, как бы ни была незначительна – всегда выражала самую суть, сердцевину смысла, торжество живой жизни. Именно так и вылеплен образ Мандельштама».

Из письма А.С.Эфрон от 20 марта 1966 г.: «Мы тут все тоже очень рады мандельштамовско-цветаевскому номеру Лит.Армении /.../ Интерес к этой публикации – огромный, но журнал достать еще мудренее, чем цв(етаевскую) книгу! Там хоть спекулянты могут выручить, а тут и им журнал недоступен. Так что присланные Вами номера (за к-ые большое спасибо!) разлетелись, как можете себе представить, в одно мгновение. /.../ Поехала «Лит.Армения» и в Мексику, и во Францию, и в Швейцарию, к маминим друзьям, последним ее (и М-ма) современникам» (вышеуказ. кн., с.144).

1 9 6 7

3.Мандельштам О. Путешествие в Армению. – ЛА, № 3, с.83-99.

Публикации предпослана вступительная заметка поэта Геворка Эмина, где, в частности, говорится: «Это одни из лучших путевых заметок об Армении – и не только об Армении, но и обо всем том, что рождается в уме и сердце талантливого, мыслящего человека при виде Армении. Это рассказ главным образом об Армении, но также об истории человечества и той «книге земли... по которой учились первые люди» /.../ на его мыслях и чувствах нет отпечатка календарного или парадного штампа; не скованные ничем, они свободны и самовластны – и это одна из его характерных особенностей. Может быть, именно по этой причине заметки эти, написанные по свежим следам конкретных событий, не устарели и сегодня. /.../ Велика была любовь поэта Мандельштама к Армении, но не безответна. И если память живых дарует мертвым жизнь, то Мандельштам жив в благодарном сердце армянского народа».

4.Мандельштам Н.Я. «Мы вернулись из Армении...». – Там же, с. 99-101.

Мемуар, написанный для ЛА вдовой поэта. Единственная в советской печати прижизненная публикация Надежды Яковлевны под ее именем. Ниже два фрагмента:

«Путешествие в Армению не туристская прихоть, не случайность, а, может быть, одна из самых глубоких струй мандельштамовского историософского сознания. Он-то, разумеется, этого так не называл – для него это было бы слишком громко, и я сама поняла это через много лет после его смерти, роясь в записных книжках и дочитывая мысли и слова, которые мы не успели друг другу сказать. Традиция культуры для Мандельштама не прерывалась никогда, европейский мир и европейская мысль родились в Средиземноморье – там началась та история, в которой он жил, и та поэзия,

которой он существовал. Культуры Кавказа – Черноморье – та же книга, «по которой учились первые люди». Недаром в обращении к Ариосту он говорит: «В одно широкое и братское лазорье сольем твою лазурь и наше черноморье». Для Мандельштама приезд в Армению был возвращением в родное лоно – туда, где все началось, к отцам, к истоку, к источнику. После долгого молчания стихи вернулись к нему в Армении и уже больше не покидали...»

«Армения, Чаренц, университетские старики, дети, книги, прекрасная земля и выросшая из нее архитектура, одноголосое пение и весь строй жизни в этой стране – это то, что дало Мандельштаму «второе дыхание» с которым он дожил жизнь. В последний год жизни – в Воронеже – он снова вспомнил Армению и у него были стихи про людей «с глазами, вдолбленными в череп», которые лишились «холода тутовых ягод»... Эти стихи пропали. Но и так армянская тема пронизывает зрелый период его труда».

5. Мкртчян Л. М. География человеческой близости / Предисловие в сб. «Это Армения» (см. далее № 7), с.3, 4, 10-13. Ниже фрагменты:

Из приводимого автором разговора в мастерской художника Мартироса Сарьяна:

«Он встает и приносит блокнот для набросков. В блокноте стихотворения О.Мандельштама. – Русские поэты, – рассказывает Сарьян, приехали в Армению. Когда они проезжали араратскую долину, их встречали жители как могли. Одна женщина вышла с сотами в руках. И вот Мандельштам написал об этой женщине, об Армении:

*Закутав рот, как влажную розу,
Держа в руках осьмигранные соты,
Все утро дней на окраине мира
Ты простояла, глотая слезы.
И отвернулась со стыдом и скорбью
От городов бородатых востока;
И вот лежишь на москательном ложе
И с тебя снимают посмертную маску.*

Вспомнили и другие стихи Мандельштама из его знаменитого цикла «Армения».

/.../ Армения в восприятии Мандельштама близка к сарьяновскому восприятию. В своих стихах поэт все время подчеркивает яркость цвета в армянском пейзаже /.../ Все, что написано об Армении, живописно и зримо не только по цвету. Когда он пишет: «А в Эривани и в Эчмиадзине / Весь воздух выпила огромная гора», в этих бесхитростных словах почти физически ощущаешь Арарат /.../ Армению в стихах Мандельштама видишь и слышишь, а главное – постигаешь ее.

*Орущих камней государство –
Армения! Армения!*

Камни Армении многократно воспеты /.../ Но трудно назвать определение точнее и проще, чем это «оружий камней государство».

/.../ Очерк О.Мандельштама дополняет и объясняет его стихи об Армении. /.../ В своем очерке поэт воссоздал образы людей, с которыми здесь встречался /.../ В этих характеристиках, в стихах и в очерке в целом узнается и сам Мандельштам – поэт, который умел так щедро писать о людях, умел так сильно и талантливо удивляться».

6. Сб. «Глазами друзей». Сост. Р.Авакян. Ер., Айастан. В составе: **О.Мандельштам.** Путешествие в Армению (с.167-205); см. там же: **В.Гроссман.** Добро вам, с.283-284, с небольшими сокращениями приводятся ниже:

«... спросил как-то у Мартиросяна о пребывании в Армении Мандельштама. Мне были известны милые и трогательные подробности о жизни Мандельштама в Армении, я читал армянский цикл стихов Мандельштама. Я вспоминал его выражение о «басенном армянском христианстве».

Однако Мартиросян не помнил Мандельштама. Мартиросян по моей просьбе специально обзванивал некоторых поэтов старшего поколения. Они не знали, что Мандельштам был в Армении /.../

Ну что ж, ясно, – думал я. Стихи Мандельштама прекрасны. Это сама поэзия, сама музыка слов... Мне иногда кажется, что в поэзии двадцатого века, как бы блистательна ни была она, меньше стало жаркого сердечного могущества и всепоглощающей человечности, которыми отмечены поэтические гении прошлого века. Словно поэзия из булочной перебралась в ювелирный магазин и на смену великим пекарям пришли великие ювелиры. Может быть, поэтому так сложны стихи некоторых замечательных поэтов современности, этой сложностью они обороняются от парижского платинового метра, меры всех душ и вещей.

Но в стихах Мандельштама звучит чарующая музыка, и некоторые его стихотворения – среди самых лучших из написанного русскими после Блока. /.../ И хотя Мандельштам не нес на своих плечах весь великий груз русской поэзии, он истинный и чудный поэт. Бездна отделяет его от поэтов мнимых. И вот знакомые ереванцы не помнят о его пребывании в Армении».

7.«Это Армения /Стихотворения русских поэтов/». Редактор, составитель и автор предисловия Л.М.Мкртчян. Ер., Айастан. В составе сборника: **О.Мандельштам.** Армения (1-12), с. 35-41.

1970

8. Мандельштам О. Армения. – ж-л «Советакан граканутюн» (Советская литература), № 11, с.129-134.

Первая публикация стихов О. М. на армянском языке. Подборка стихотворений под общим названием «Армения», переведённая поэтессой Шохик Сафьян. В качестве эпиграфа четверостишие. «Как бык шестикрылый и грозный...», далее в полном составе – цикл «Армения», включают подборку стих. «Колочая речь араратской долины...» и «Дикая кошка – армянская речь...». Нумерация внутри цикла отсутствовала, и он не был отделён от двух заключительных стихотворений. Примечательно, что по-русски два эти стихотворения увидели свет позднее. Четвёртое и пятое стихотворения цикла («Закутав рот, как влажную розу...» и «Руку платком обмотай...»), скорее всего по недосмотру, поменялись в журнале местами. Свои переводы Ш.Сафьян выполнила в соответствии с оригиналом – рифмованным и белым стихом, а также верлибром. Правда, стихотворение «Закутав рот...» вопреки подлиннику зарифмованы, а некоторые чрезвычайно длинные строки стихотворения «Не развалины, нет...» разбиты на более короткие. Подборка сопровождается мемуарным этюдом Н. Мандельштам «Мы вернулись из Армении...».

1974

9.Кубатьян Георгий. Солнечные часы поэзии. Армянская тема в творчестве О. Э. Мандельштама. –ЛА, № 10, с. 103–116. В связи с этой статьей см. №20

«Мандельштам немало повидал на своем веку, и путешествие в Армению — отнюдь не единственное путешествие в его жизни. Никогда, однако, впечатление от увиденного не становилось причиной и первотолчком для столь постоянного творческого интереса и не давало (даже в количественном, так сказать, отношении) такого значительного результата. Это не случайно, если вспомнить строку Мандельштама «Я помню все, с чем свидеться пришлось». /.../ Армения, по мысли Мандельштама, не просто одна из носителей европейской культуры. Армения — звено между античностью и новым временем. Армения сохранила свою духовную подлинность, первозданность... Перечисляя /.../ приметы страны, поэт так завершает свой ряд: «наохленные орлы с совиными крыльями (речь, по всей вероятности, идет о Звартноце), еще не оскверненные Византией».

В статье впервые приводится стихотворение «Дикая кошка – армянская речь». Наряду со многими наблюдениями относительно сквозной, единой образности «армянских стихов», их цветовой гаммы, интонации, темпа и пр., особо сказано в статье и о стихе непосредственно, его метрическом, строфическом разнообразии. Со стихотворением под ном. 9 связано следующее рассуждение об использовании поэтом белого стиха: «В определенном плане отказ от рифмы – проверка мастерства поэта. Рифмованный стих – основное средство, основное «орудие поэтической речи»

Мандельштама. В «Армении» же он, наряду с рифмованным, широко использует белый стих.

*О порфирные цокая граниты,
Спотыкается крестьянская лошадка,
Забираясь на лысый цоколь
Государственного звонкого камня.*

Композиция этой строфы виртуозна. Рифмы нет. Но как на опоясывающей рифмовке, строфа держится на опоясывающем образе. В самом деле. Первая и четвертая строки охватывают вторую и третью. Обе они, первая и четвертая, «высокого», скажем так, стиля; вот их лексика: порфирные граниты, государственный камень. К тому же – и там, и тут – камень, гранит. Четвертая строка зеркально отражает первую (порфирный – государственный, цокая – звонкий, гранит – камень). /.../ Вторая и третья строки живут обыденным, даже чуть сниженным словарем: крестьянская лошадка, лысый... Да и глаголы несравнимы. В первой строке – гулкое деепричастие «цокая»(переекликающееся со «звонкостью четвертой»), а в середине строфы – скромные, незаметные «спотыкается», «забираясь». Ни о какой рыхлости, расслабленности, нечеткости этого, пусть и не скрепленного рифмой стиха, не может быть и речи. Белый стих Мандельштама всегда обусловлен. В каждом конкретном случае эстетическая функция его, разумеется, различна, однако исходит она из одной общей закономерности. Рифма, хотя бы внешне, гармонизирует стих, сообщает строфе единство, независимое от «содержания» поэтической речи. Отказываясь от рифмы, Мандельштам отказывается от возможности организовать стихи путем звуковой, т.е. внешней переклички. Таким образом на первый план выходит значение слова, его пластический потенциал: стихотворение, распадаясь на строки, объединяется за счет их внутренней, смысловой слитности: удельный вес «содержания» (в противовес «форме») как бы увеличивается.

1 9 8 1

10.«Книга братства /Советские поэты об Армении/». Сост. и ред. В.Баласан. Ер., Советакан грох. В составе: О.Мандельштам. «Армения» (1-12, до цикла: «Как бык шестикрылый...»), с. 34-38.

1 9 8 2

11.Сб. «Русская поэзия начала XX века». Сост. Р. Тамразян. Ер., изд. ЕГУ. В составе сборника 43 стихотворения О.Мандельштама. Большинство в переводе Р. Бейлеряна, шесть переводов – Ш.Сафьян, два – Г. Эмина, одно – А. Мовсеса. Под общим названием «Армения» – 15 пронумерованных

стихотворений: кроме цикла, под ном. 14 и 15 – «Колочая речь араратской долины...» и «Дикая кошка – армянская речь...», под ном. 13 – (по явному недоразумению) «Природа – тот же Рим...». Стихотворения «Как бык шестикрылый и грозный...» в книге нет. Стихи в подборке, за двумя-тремя исключениями, расположены в хронологическом порядке, но даты написания не проставлены. Из стихов 1930-х годов, помимо «Армении», в подборку включены только «Фаэтонщик», «Я вернулся в мой город, знакомый до слёз...», «Заблудился я в небе – что делать?» и «Есть женщины сырой земле родные...». Тексты взяты из Стих–1973, и допущенные там цензурные искажения («В чёрном бархате январской ночи...» и т. д.) воспроизведены в переводе. В книге помещена пространный (около двух книжных страниц) биографическая справка, содержащая также краткую характеристику творчества О. М. О том, что поэт был арестован и погиб в лагере, не упомянуто. Справку и многочисленные пояснения историко-культурных и мифологических понятий написал составитель книги поэт Рачья Тамразян (ныне д-р филол. наук, чл.-кор. НАН РА, дир. Матенадарана им. Месропа Маштоца – Института древних рукописей).

1984

12.Свасьян Карен. Голоса безмолвия. Ер., Советакан грох.

Книга посвящена анализу ряда проблем поэтического искусства. Вопросы рассматриваются на конкретном материале поэзии Нарекаци, Чаренца, Блока, Гете, Валери, Рильке. В двух статьях автор обращается и к поэзии О.Мандельштама: в помеченной 1976 г. ст. «Испытание словом» (с.16, с.20-23) и 1977-ым г. ст. «Поэзия и правда» (с.55-59), также с.242.

Основная мысль, развиваемая в первой из указанных статей, представлена, в частности, в таких формулировках: «Что же есть поэтическое слово? Оно – не сама поэзия, но оно – необходимое условие поэзии /.../ Стихотворение, собственно говоря, живет не в словах, а в междусловиях; слова суть светильни, озаряющие межсловесное пространство невыразимого. /.../ Парафразируя мысль Гете о красоте как манифестации тайных законов природы, мы можем сказать: слова – манифестация поэзии; сама она – «песня без слов», или лучше: песня меж слов. Но именно здесь и встает во весь рост необходимость упорнейшей работы над словом; именно здесь подчеркивается огромная значимость слов. Ибо только слова причащают нас в поэзии к внесловесному. Но слово должно пройти через самопознание в сознании поэта /.../ Тогда слово воспламеняется как свеча и озаряет пламенем своим «безгранично-бессловесное»».

Как к «высокому примеру» такого «воспламенения» автор обращается к стихотворению О.Мандельштама «Я слово позабыл, что я хотел сказать...», приводит его полностью и построфно анализирует. «Поразительна в этом стихотворении, – пишет он, – не только предельная его насыщенность «невы-

разимым», но и сама тема: она – о невыразимом. Стихотворение начинается с признания невозможности высказаться («Я слово позабыл, что я хотел сказать»), и все-таки оно высказывается. О чем? Поэт не знает сам: о чем; структура стихотворения – негативна, апофатична, и это подтверждается не только внутренне-цельным переживанием его, но и дробным строфичным анализом».

Проведенный строфичный анализ автор завершает так:

«Слова бессильны. Слова твердят все не о том. Но слова, летающие с губ, воспламеняются, оставляя на губах горящую память беспамятства:

*А на губах, как черный лед, горит
Стигийского воспоминанье звона.*

Этот «звон», с которым беспамятно был слит поэт в интуиции, который наполнял его неслышной музыкой вдохновения и мучительно искал «столкновения» с чем-то знакомым (птицы, бессмертник, ночной табун, пустой челнок, кузнечики), дабы в самом столкновении этом высечь из себя искры образов, гудяще разлился, наконец, в ритмическом пространстве воплощенного стихотворения колоколами слов. Слова его не высказали, нет! – мы видели это на негативности стихотворения – они его вызвали: словами поэт прикоснулся к камертону нашей души и выхватил из нее невыразимое».

1986

13. Золян С. Т. Подражание как тип текста (Об интерпретации двух армянских источников О. Мандельштамом и А. Ахматовой). – Вестник, № 1, с. 226-236. См., в частности, с. 234.

«...Мандельштам очень тонко вводит свое «я», причем автобиографическое, а не условно-поэтическое, путем отсылки к своим произведениям, к излюбленным мотивам-образам. Все они сосредоточены в абзацах об Аршаке, причем некоторые из них не имеют никакой связи с Фавстосом. Мандельштам начинает незаметно: сохраняя реалии источника в других абзацах, он в третьем заменяет «музыку гусанов» греческой музыкой. Не случайно и сравнение: «Язык опаршивел от пищи тюремщиков, а было время — он прижимал виноград к небу и был ловок, как кончик языка флейтиста». Здесь можно усмотреть не только смутную реминисценцию из Плутарха, упоминавшего об армянском царе Артавазде — сочинителе трагедий на греческом, но и личный для Мандельштама мотив античности, «эллинства», неоднократно воплощенный им именно в образе флейты («флейты греческой тэтта и йотта»). Образ «неба» – причем в сочетании с эллинской темой – также часто встречается у Мандельштама, а что касается образа виноград, то он, помимо других контекстов, проходит сквозь его «армянские» стихи. /.../

Шестой абзац – «Царь Шапух — так думает Аршак — взял верх над мной и — хуже того — он взял мой воздух себе» – особо интересен. В нем

поэт переходит от внешней точки зрения к внутренней — описывается, что думает сам Аршак, причем мыслям Аршака /.../ нельзя найти никакого соответствия /.../ — это цитата, но не из Фавстоса, а из самого Мандельштама, отсылающая к постоянному для него мотиву недостаточного, отнятого, «выпитого», «ворованного», «мертвого» воздуха. Аршак думает о том, о чем пишет Мандельштам. Автор и герой сливаются. Заговорив об Аршаке, Мандельштам говорит о себе».

1 9 8 7

14.Нерлер П. М. Заметки о «Путешествии в Армению» Осипа Мандельштама. — ЛА, № 10, с. 69-79.

Рассмотрев в статье структурно-композиционное своеобразие произведения и подытоживая свои наблюдения, автор пишет:

«... «Путешествие в Армению» — произведение сложное, многослойное и многоплановое, написанное (написавшееся) с учетом законов музыкальной композиции /.../ Магистральная тема — армянская, ее экспозиция дана первую же главой, действие которой происходит на севанском острове. Затем на протяжении целых пяти главок действие это покинет армянскую землю, но не армянскую тему. Последняя, то пропадая в интерлюдиях, то вдруг вспыхивая в каком-нибудь периоде огоньками фраз-ассоциаций, воспоминаний или прямых сравнений, — непрерывно развивается, нарастает /.../ наконец, в двух последних главках армянская тема — вновь — мощно вырывается на простор армянского неба и армянской земли /.../ Главки «Аштарак» и «Алагяз» (и последняя в особенности) — мощный финал, к о д а мандельштамовской фуги, где в унисон с армянской темой мощно зазвучал и голос судьбы самого поэта

Путешествуя по Армении, вслушиваясь, как и всегда в Шум Времени, Мандельштам наконец-то уловил в этом шуме главное, что искал: собственное прошлое, настоящее и даже будущее сложились в единую картину... Именно в Армении он не только понял все тайные знаки судьбы, но и заново усвоил /.../ истинное свое назначение. Творчество: за него платишь — только судьбой! Но — быть, быть и еще тысячу раз быть — п о э т о м! И пошли стихи...

«Передо мной раскрылся выход в светлое деятельное поле». В этом радостном признании Мандельштама одинаково ценны оба эпитета — и «деятельное», и «светлое». Каково бы ни было «мрачное вмешательство людей, для которых печной горшок дороже Бога», или, попросту говоря, черни, — творчество, при всей своей корневой трагичности, само по себе — радостно, светло, очистительно. Ведь оно, по слову поэта, призвано внести в мнр гармонию!.. И поэтому «Путешествие в Армению», этот музыкальный рассказ о том, как поэт шел навстречу своим стихам, по праву может быть назван солнечной фугой Мандельштама».

15.Карабчиевский Юрий. Тоска по Армении. Повесть. – ЛА, №7-8. См. № 7, с. 71, 80, 84-87.

Отрывок: «Я знаю, что не только для меня, для многих в России Армению открыл Манделъштам. Сначала стихами, затем «Путешествием», а затем уже по порядку чтения, так часто обратному написанию, – «Четвертой прозой». Но, конечно, не Армении он открыл, а тягу к Армении, любовь к Армении, странную близость этой азиатской страны тоскующему европейскому сердцу. «Если бы я поехал в Эривань, три дня и три ночи я бы сходил на станции в большие буфеты и ел бутерброды с черной икрой. /Халды-балды! / Я бы читал по дороге лучшую книгу Зоценки, и я бы радовался, как татарин, укравший сто рублей». Это было написано им в счастливое время, насколько мы можем теперь судить. Ему еще оставалось несколько лет свободы, и какой свободы! Не какой-нибудь там заграничной, не имеющей цены, как вода и воздух, как один вдох и один глоток. Он еще съездил в свою Эривань, и хотя насчет черной икры сомнительно, но жизни и свободы вдохнул здесь полную меру. С армянских стихов начался совершенно новый период его жизни, после долгого удушья и немоты – гениальный взлет без единого спада до самой гибели. Одно этого мне достаточно, чтобы любить Армению. Но и прозаическое «Путешествие в Армению» я готов перечитывать без конца...».

16.Кушнер Александр. Стихи об Армении. – ЛА, №6. На с.55 в частности:

Памяти Манделъштама

*Там жил поэт с женой-подружкой,
Севан, как море, голубел,
Там, под армянскою церквушкой
С ее граненною макушкой,
На пляже, боже, как он бел
Был, раздеваясь в мире желтом,
Желтушном, с охрою в крови.
Не мягким надо быть, а твердым,
Под стать курдинам, бога с чертом
Сдружили силою любви.
Там мы с тобой весь день гуляли,
Стихи его произрастали
Из всех расщелин и щелей
И проступали, как детали
Узорных, вычурных камней,
Рядком стоящих вертикально...
Насколько легче наши дни!
А в том, тридцатом, неопальном
Еще, но пыльном, эпохальном,
Он опален уже – взгляни!*

17.Семенко Ирина. Ранние редакции и варианты цикла «Армения»

О.Мандельштама. – ЛА, №8, с.92-103.

Представляя читателям журнала этот материал, Н.А.Гончар приводит отрывок из письма И.М.Семенко (от 1984г.), которое «само хорошо скажет о личности автора, о круге ее литературоведческих интересов и трудов»: «Посылаю Вам свою статью «Ранние редакции и варианты цикла «Армения». В статье преследуются две цели: публикация значительной части не расшифрованных и до сих пор не печатавшихся черновых текстов О.Мандельштама и, на этой основе, наблюдения над его поэтикой. Я имела возможность, при жизни вдовы поэта, работать в его семейном архиве. В «Вопросах литературы» вышли две мои статьи о Мандельштаме: о черновых материалах к прозаической «Армении» (реконструкция, «ВЛ», 1968, №4) и «Мандельштам — переводчик Петрарки» («ВЛ», 1970, №10) /.../ У меня есть целый цикл аналогичных статей о поэзии Мандельштама. Одна из них печатается в Тарту в «Блоковском сборнике». Вам посылаю статью, которая непосредственно связана с Арменией. Независимо от дальнейшего хода дела сердечно Вас благодарю за внимание». Предложением в ответ было: включить статью в пятый сборник серии «Литературные связи», выпускаемой Ереванским госуниверситетом, с предположительным выходом сборника в 1987 году. И.М.Семенко отозвалась так: «Большое Вам спасибо за Ваше письмо. Я совершенно согласна с Вами и буду рада напечатать статью в 5-том томе «Литературных связей». То, что это падает на 1987-й год, не имеет значения! Действительно, в этом издании материал будет «на месте», а это главное» (25.ХП, 84). К сожалению, выход в свет сборника затянулся,— пишет Н. А. Гончар.— Процесс издания книг, в особенности научных, был и остается у нас затяжным процессом. Иное дело — литературная периодика: за два года она решительно и многообещающе перестроилась. /.../ Вот почему я и подумала: пусть составленный мною сборник лишится одного из лучших своих материалов, пусть годом раньше он появится на страницах сегодняшней «Литературной Армении», здесь он теперь тоже будет «на месте», вступая в естественную связь с некогда появившимися в этом журнале, первыми в шестидесятых годах, «мандельштамовскими публикациями».

В результате скрупулезной текстологической работы Семенко приходит к выводу о том, что «главные темы цикла уже содержатся в перестроенном затем стихотворении, предшествовавшем его созданию и ставшем для него основой («Ломается мел и крошится...»). Из его вариантов автор сделал позднее два разных стихотворения - «Ты красок себе пожелала...» и «Как люб мне натугой живущий...» (последнее не вошло в цикл). К тому же источнику восходит и «Ты розу Гафиза колышешь...». /.../ Половина стихотворений всего печатного цикла «Армения» (№1-6) либо текстуально, либо мотивами теснейшим образом связана со своим первоисточком — стихотворением «Ломается мел и крошится...»».

18.Кубатъян Георгий. Место армянской темы в творчестве О. Мандельштама (Уроки Армении). – Вестник, № 2, с.11-20.

Выдержки: «Ознаменовав после пятилетней немоты возврат Мандельштама к стихотворчеству, армянский цикл стал неким фокусом, где сошлись многие давние его мотивы и возникли новые, которыми он не преминет воспользоваться в будущем. Вот почему строки «Армении» многожды отзываются дальним эхом прежних и последующих стихов. /.../ «Бычачьи» церкви заставляют вспомнить «овечьи» церкви «Грифельной оды», а «молодые гроба» Армении вызывают в памяти «архипелага нежные гроба» /.../ «Я тебя никогда не увижу, близорукое армянское небо» – кивок в сторону «Я не увижу знаменитой Федры», «Какая роскошь в нищенском селеньи» аукается со строкой «В хрустальном омуте какая крутизна!», а «Дикая кошка — армянская речь» состоит в несомненном родстве с «дикой кошкой» горбящихся петербургских мостов.

/.../В «Армении» сквозная образность и гибкие ассоциативные связи достигают, похоже, крайнего своего предела. Скажем, одно из ключевых слов здесь — роза. Смысловая его наполненность всякий раз меняется, неизменно лишь традиционное значение — красота: жизни ли, искусства ли, самой ли страны. Столь же неоднородны и прочие ключевые образы — камень, глина или же их варианты, по сути дела синонимы — граниты, земля» (12-13).

19.Мандельштам Осип. Стихотворения, проза, записные книжки. Вступительная статья, составление, комментарий Н. А. Гончар-Ханджян. Ер., Хорурдаин грох, 384 с.

Содержание:

Н.А.Гончар-Ханджян. Мандельштам и Армения (с.5-11).

Книга первая: Армения

Стихотворения: «Как бык шестикрылый и грозный...», «Армения» (1-12), «Как люб мне натугой живущий...», «Колочая речь араратской долины...», «Дикая кошка — армянская речь...», «И по-звериному воет людье...», «Фазтонщик», «В год тридцать первый...» (с.15-28)

Путешествие в Армению (с.30-59)

Записные книжки 1831 - 1932 годов (с.64-76)

Приложения:

Н. Я. Мандельштам. «Мы вернулись из Армении...» (с. 77-79);

Б. С. Кузин. Об О. Э. Мандельштаме (с.80-88);

И. М. Семенко. Ранние редакции и варианты цикла «Армения» (с. 89-111);

Ст.Рассадин. Из статьи: «После потопа, или Очень простой Мандельштам» (с. 112-118).

Комментарий (с. 119-140)

Книга вторая: Стихотворения

Из книги «Камень» (с. 143-189). Из книги «Tristia» (с. 190-222). Из

стихотворений 1921-1925 годов (с. 223-249). Из стихотворений 1930-1937 годов (с. 251-313). Из стихотворений, не вошедших в основное собрание (с. 314-322). Из публикаций 1986-1989 годов (с. 324-336).

Приложение : Марина Цветаева. История одного посвящения (с. 337-370).

Комментарий (с. 371-376).

Из вступительной статьи: «Встреча с Арменией – среди лучшего, среди самого светлого, что случилось в трагедии жизни Осипа Мандельштама. В свою очередь, стихи и проза, рожденные этой встречей – в пору зрелости духа и мастерства несравненного, истинно замечательного поэта, – среди лучшего, а вернее, во главе лучшего, что сказало об Армении, в связи с Арменией в незамороженных, человечно-горячих, вольноречивых страницах русской литературы /.../»

Мандельштам так увидел, услышал и понял Армению, поведал о ней так ородненно, таким музыкальным и смысловым и точным словом, что смысл и эмоция, образы и детали, самый мотив и стихотворного, и прозаического его «разговора» об Армении ороднили ее для многих, проникли наследуемой и обращаемой классикой – «золотой валютой» – в непрекращающийся ряд других, с Арменией связанных, разговоров по-русски» /.../

Значение встречи Мандельштама с Арменией, значительность его стихов и прозы о ней сегодня раскрываются в своем, так сказать, контексте – историческом и литературном. В контексте прошедшего совершенного, прошедшего несовершенного, настоящего и долженствующего быть времени. В контексте более ранних и более поздних встреч русского культурно-исторического сознания и русского художественного слова с Арменией, время жизни которой вместило в себя столько времен, погибельных и врачующих, раздирающих и сшивающих, сжигающих в огне и из огня возрождающих. Состоявшееся в личной судьбе поэта и столь личностно осмысленное и претворенное им – часть контекста, сложившегося в русской литературе в связи с Арменией, по «армянским мотивам». Значение встречи Мандельштама с Арменией, значительность его стихов и прозы о ней в контексте жизни и творчества самого поэта раскроются ... по ходу чтения этой книги, по мере вхождения в ее контекст».

Отдельного внимания заслуживают обстоятельные комментарии составителя. Их можно разделить на несколько групп. Часть из них служит толкованию образной системы помещенных в книгу произведений, а также содержит сведения об истории их создания. Другая – приобщает читателя к миру армянской культуры, дает сведения о видных представителях искусства и науки, общественных деятелях, раскрывает значение исторических и географических реалий, отсылает к литературе, посвященной творчеству Мандельштама.

20.Мандельштам Надежда. Воспоминания (предисловие и примечания Г. Кубатьяна). – ЛА, № 3, с. 85–104.

В предисловии приводятся два письма Н.Я.Мандельштам от 1971г.:

«Февраль, 1.

Уважаемый тов. Кубатьян! (Вы мне не сообщили своего отчества.) Зря вы огорчаетесь, что о Мандельштаме ничего не пишут и даже не отметили его восьмидесятилетие. Эренбургу отметили 80 лет, а что проку?

Времени у вас на статью хватит, лишь бы вы знали, о чем писать. Ясна ли вам концепция? Для Мандельштама Армения – христианский мир, историческое звено античности и христианства (и отвернулась со стыдом и болью от городов бородатых Востока), «книга, по которой учились первые люди», «средиземноморье», т. е. то, где начиналась история (иудейско-христианский мир), (история – возникает с христианством). Интерес к Армении не случайность, а результат всей историософской концепции О. М.

Все это напечатать нельзя. Надо осторожно обойти вопрос и как-то показать его сущность (у меня есть крохотная врезка, где я объясняю отношение О. М. к Армении, – у вас напечатали).

Для понимания О. М. необходимо знать две статьи («Утро акмеизма» и «Скрябин и Пушкин» – 2 том).

Я думаю, вам нужно ограничить себя стихами об Армении и «Пут[ешествием] в Армению» (только полным, как в «Звезде»). У вас напечатали выдержки (текст «Путешествия» предоставила редакции журнала сама Н. Я. Это вовсе не «выдержки», а другой и, по сравнению с публикацией «Звезды» (1933, № 5), более краткий вариант произведения – Г.К.). Не произнося запретных слов, можно свести [всё] к «средиземноморской (европейской) культуре».

Мандельштам читал Мойсея Хоренского (так?) и других древних армянских авторов (по-древнеармянски). Он был филологом и легко изучал языки. Однажды обратился к мальчишке на улице по-древнеармянски. Тот вынул глаза – то и не то...

Не могли бы вы на несколько дней приехать в Москву? Это не трата времени, а борьба за обретение концепции... Имея ее, пишешь легко и быстро.

Как на этот счет? 2–3 дней бы было достаточно...

Во всяком случае делитесь со мной своими мыслями. Может, я что-нибудь подскажу.

Н. Мандельштам

Какой объем статьи? Надеюсь, не больше 1/4 листа...»

«27 июля.

Уважаемый тов. Кубатьян!

Вы не сообщили мне своего отчества, и это сделало обращение таким казенным.

Спасибо вам за статью (имеется в виду статья «Солнечные часы поэзии», см. выше – Н.Г., К.М.) Она очень хорошая. В ней много замечено, угадано, понято. И главное, в ней есть любовь, и это делает ее живой и интересной.

Мне кажется, если вы когда-нибудь захотите углубить ее и показать, откуда единство историософской мысли, обратитесь к Чаадаеву. Его влияние на Мандельштама было формообразующим. Как я говорю, у Мандельштама ничего своего не было – все от Чаадаева. Отсюда и Рим, и Армения. Сейчас это вам не нужно, но когда-нибудь может пригодиться.

Спасибо за статью. Она как дружеское рукопожатие.

Надежда Мандельштам».

См. также: **Г. Кубатьян.** «Вторая после Солженицына антисоветчица...» Два письма от Надежды Яковлевны (1971).– В кн.: «Посмотрим, кто кого переупрямит...» Письма, воспоминания, свидетельства о Надежде Яковлевне Мандельштам. М., изд. АСТ, 2015, с. 568–573..

21.Мартиросова З. Мандельштамовские чтения. – Голос Армении, 23 дек.

22.Халатова К. «Вожделенное путешествие в Армению, о котором я не переставал мечтать».– Гркери ашхар /В мире книг/, 24 ноября, рус. стр. газеты.

1 9 9 1

23.Ахвердян Г.Р. «Это пропуск в бессмертие твой...» (Мандельштам в Армении).– Республика Армения (РА), 3 дек., №229(271).

24.Даниелян Э.С. В. Брюсов и О. Мандельштам (к вопросу о литературных взаимоотношениях).– Вестник, №1, 93-99.

25.Кубатьян Георгий. Стихотворение и цикл. Две ипостаси Армении в поэзии О. Мандельштама.– Вестник, № 1, с. 79–88.

26.Кубатьян Георгий. Пространством и временем полный. К 100-летию со дня рождения О. Мандельштама.– Республика Армения, 16 янв.

27.Кубатьян Георгий. Соприродность. К 100-летию со дня рождения О. Мандельштама.– ЛА, № 1, с. 83–96.

28.Хзмалян Тигран. «Фаэтонщик» - стихотворение О. Мандельштама о Нагорном Карабахе.– Вестник, №1, с. 89-92.

Из статьи: ««Фаэтонщик» был одним из первых страшных, пророческих стихов, которых у Мандельштама будет еще много. Главные темы «Фаэтонщика» явлены в первой же строфе: «На высоком перевале// В мусульманской стороне// Мы со смертью пиروвали -// Было страшно, как во сне». Итак, три основные образа стиха: смерть, страх, сон. Интонации стиха зыбки, и он как бы балансирует между сном и явью, сном и страхом, сном и смертью. Эту предельность, пограничность ситуации дополняет пристра-

нственное определение: «на высоком перевале». Перевал имеет и конкретное обозначение: «в мусульманской стороне». Карабах, веками бывший перевалом и границей между христианской Арменией и мусульманским Востоком, вот уже несколько лет был «по ту сторону». Невольное, а может быть, и неизбежное обращение к пушкинским образам приводит не только к страшным аллюзиям из «Пира во время чумы», но и к мотивам другого мрачного пушкинского шедевра – первому стихотворению той же Болдинской осени 1830 г. – к «Бесам»».

29. Худавердян Анаида. Встречи с поэтом.– ЛА, №5, с. 77-82. То же (публикация и вступительная заметка П.Нерлера).– «Сохрани мою речь...». Вып. 5, кн.1. М., РГГУ, с. 237–251.

Отрывок: «Помню Осипа Мандельштама, мужчину лет сорока, роста среднего, с несколько заостренным подбородком, длинной шеей, с откинутой назад головой. С первого взгляда казалось, что это он умышленно так держит голову, чтобы смотреть на людей сверху вниз. Но это только казалось на первый взгляд, в дальнейшем убеждались, что это у него от природы. В его характере бросалось в глаза нервное беспокойство. Он нервничал по пустякам. Это чувствовалось во всем его поведении. Но каждый раз на помощь приходила его верная подруга – жена Мандельштама Надежда Яковлевна. Это была культурная, задушевная, очень общительная, добрая женщина с серыми глазами и пепельными волосами...».

1 9 9 3

30. Мандельштам О. Меганом. Составитель., редактор и автор комментариев Акоб Мовсес. Ер., Аполлон.

Книга переведена Р. Бейлеряном, за исключением «Четвёртой прозы» (пер. А. Агабабяна). Изданная в разгар Карабахской войны (1991–1994), тяжелейшее для Армении время, книга напечатана на плохой бумаге. В аннотации сказано: «В сборник включены избранные произведения крупнейшего русского поэта XX века – стихи, страницы прозы и статьи. На армянском языке издаётся впервые». Составитель (поэт Акоб Мовсес) оговорил: «Составляя и снабжая примечаниями настоящую книгу, я пользовался двухтомником “Сочинения” (М., “ХЛ”, 1990) великого русского поэта». Тексты, состав разделов и датировка произведений почерпнуты из этого издания. Книга открывается коротким эссе составителя. **Содержание:** «Камень» – 25 стихотворений, «Tristia» – 19, «Стихи 1921–1925» – 12, «Новые стихи» – 66, в т. ч. «Московские стихи», включая 12 стихотворений «Армении» и 11 цикла «Восьмистишия», – 50 и «Воронежские стихи» – 16, «Стихотворения разных лет» – 8; «Страницы прозы» – «Египетская марка», «Четвёртая проза», «Разговор о Данте», «О собеседнике», «Девятнадцатый век».

1 9 9 5

31. Андреева М. Р. Армянские фрески Осипа Манделъштама. – Вестник, №1, с. 67-77.

1 9 9 6

32. Гончар Н.А., Андреева М.Р. О некоторых ключевых образах цикла «Армения» О. Манделъштама.– Вестник, № 2, с. 82-93.

33. Кубатьян Георгий. Посвящается Манделъштаму. – Республика Армения, 4 июля.

1 9 9 7

34. Андреева Марина. Слепорожденная бирюза, или «высокая болезнь» Осипа Манделъштама. – ЛА, № 3, с.153-167.

35. Кубатьян Георгий. После интермедии (эволюция взглядов Чаренца и Манделъштам).– Вестник, 28-43. То же: После интермедии, или Мало в них было линейного. Егише Чаренц и Осип Манделъштам.– Вопросы литературы, 2004, март-апрель, с. 91–110.

1 9 9 8

36. Кубатьян Георгий. Похититель воздуха, или Где эта улица?– Новое время (Ер.), 29 дек. То же: «Поминальная молитва, или Похититель воздуха».– Лебедь (Бостон), 2008, № 581 (29 декабря) // <http://www.lebed.com/2008/art5433.htm>

37. Меликсетян Л.С. Звуковые образы в цикле «Армения» О.Манделъштама.– «Декабрьские литературные чтения». Вып. IV. Ер., изд. ЕГУ, с.49-52.

1 9 9 9

38. Андреева Марина. Пушкинские мотивы в стихотворной «Армении» О.Манделъштама.– Вестник, № 2, с. 63-70.

39. Кубатьян Георгий. Вдова культуры. О Н.Я.Манделъштам.– Новое время, 28 сентября.

40.«Марина Цветаева в ереванских публикациях 1960-1990-х». Вступ. слово и сост. Н.А.Гончар. Ер., Наири, 336с., с. 6-39 («История одного посвящения»).

2 0 0 0

41. Кубатьян Георгий. Собиратели пространства.– Дружба народов, № 11, с. 171–183 (Об О. М. с. 175–177).

2 0 0 1

42. Андреева Марина. Армянские фрески Осипа Манделъштама. Ер., изд. РАУ. 184 с.

Аннотация: В геологических напластованиях тем манделъштамовского творчества армянская тема является одной из наиболее богатых и интересных. Исследованию этой темы и посвящена данная книга.

Введение (5-14);

Глава I. Армянские фрески Осипа Мандельштама (15-42);

Глава II. (43-95):

Чужого неба волшебство

«Высокая одна болезнь» (43-49);

«Глубокие контрастирующие краски» (49-58);

«...и в звёздах небо козье» (58-67);

«Обживание» неба (67-71);

Образы, сопровождающие образ неба (72-81);

«Бирюзовый учитель» (81-95);

Глава III. (96-136):

Культурные символы Армении (96-100):

1. Образы розы и быка (100-122);

2. Образ льва (123-136);

Глава IV. Слово и культура:

1. «Цыганский табор этнографии» (136-143);

2. «Курдины» (143-152);

3. «Привилегированный символ» (152-158);

Глава V. Путешествие в Армению и Путешествие в Арзрум (158-172);

Глава VI. Внутренняя связь явлений (172-182).

В книге обобщены, дополнены, развиты многие наблюдения и трактовки, представленные в ряде указанных статей ее автора. Мотивы, концепты, образность «армянских фресок» (стихи, проза) детально рассматриваются и толкуются в широком контексте: в связях, сопоставлениях, параллелях с другими произведениями поэта, с обращениями как к отражающим его творческие установки и принципы текстам («Утро акмеизма», «Слово и культура», «Разговор о Данте» и др.), так и к литературе, прямо или косвенно относящейся к предмету рассмотрения.

43. Геворкян Татьяна. Портрет Осипа Мандельштама в стихах Марины Цветаевой. – Вестник, №1, с. 96-104.

Из статьи: «... в первой половине 1916 года Мандельштам и Цветаева писали прекрасные стихи друг другу – без посвящений, без прямой адресации, но определенно в русле, как бы в продолжение своих бесед, нескончаемых прогулок по Москве – в пылу захватившего их чувства. Однако общность эмоций и впечатлений, соприкасаясь с индивидуальностью, со складом личности каждого из них, приводила к отнюдь не общему и даже не схожему претворению жизненного сюжета в стихотворных строчках. Мандельштам писал о получаемой из ее рук в дар Москве, о смутно, но остро переживаемом присутствии русской истории в облике старой столицы, лишь отдельными штрихами, изящными намеками – ни одной узнаваемой черты – набрасывая образ (почти тень) своей спутницы – образ ускользающий, как бы преднамеренно нематериализованный. Так что совсем неслучайно и

небеспочвенно, с заметной горечью скажет Цветаева спустя годы о стихах Мандельштама, обращенных к ней – «несколько холодных великолепий о Москве». С тем большим основанием скажет, что самой ей – с первых же дней знакомства, с первых же поэтических строк – интересен был человек и поэт. Москва в ее стихах – очень богатый и значительный, но все же фон встречи.

/.../ Доверие к чарам мандельштамовского голоса, «выбор и очищение чувств» позволили Цветаевой увидеть в своем герое «молодого Державина» (до конца жизни будет с гордостью повторять она, что именно ей первой открылась эта преемственность) и ничьего «выкорышка», своего «прекрасного брата» в поэзии, «древнего, вдохновенного друга», а главное – вечного ребенка, поэта от Бога. Именно от «божественного десятилетнего мальчика» /.../ пришла Цветаева к поразительно точному /.../ предсказанию гибели Мандельштама. Посмотрев на ребенка, прозрела его конец. За два десятилетия до смерти Мандельштама и еще до начала эпохи «великих перемен», в двух небольших стихотворениях, в приличествующей пророчеству иносказательной форме, предрекла Цветаева и мучительный, насильственный уход из жизни – расплату за «песен небесный дар», и безвестную могилу («Растреплют крылья твои по всем четырем ветрам»)..

/.../ Говоря о цветаевском портрете Мандельштама — даже если установлены при этом четкие рамки (стихи, а не проза), – невозможно обойти молчанием наиболее известную и признанную «портретную» вещь — мемуарный очерк «История одного посвящения». /.../ В 1931 году Цветаева, прочитав воспоминания Г.Иванова «Китайские тени», где с неправильной адресацией приводилось стихотворение Мандельштама «Не веря воскресенья чуду», совпала с Мандельштамом еще раз — на волне этого третьего и последнего /.../ и отнюдь не «холодного» стихотворения, прощально обращенного к ней. На этой волне и воскресли воспоминания о счастливом коктейльском времени, о весенне-летних месяцах 1916 года /.../ «Нам остается только имя: /Чудесный звук на долгий срок. /Прими ж ладонями моими /Пересыпаемый песок». И быть может, в ответ на эти вещие слова, на символический этот дар, бесконечно длящий миг соединения ладоней, и написались добрые ее воспоминания о давнем друге...».

44.Геворкян Татьяна. «Несколько холодных великолепий о Москве». Марина Цветаева и Осип Мандельштам.– Континент, №109 (№3, июль-сентябрь), Париж-Москва, с. 380-410. Существенно расширенный вариант составляет главу под тем же названием в монографии: «На полной свободе любви и дара//Индивидуальное и типологическое в литературных портретах Марины Цветаевой». – М., Дом-музей Марины Цветаевой, 2003, с.39-115.

Автором дается освещение контактов и анализ текстов (стихи, проза, критика), раскрывающих восприятие М.Цветаевой личности и творчества

О.Мандельштама, а также и взгляд на Цветаеву Мандельштама. Многие страницы работы носят полемический характер.

2 0 0 2

45.Андреева Марина. «Грядущая вечность» Осипа Мандельштама.– «Декабрьские литературные чтения». Вып. VI, Ер., изд. ЕГУ, с.39-43.

46.Казинян Арис. Товар из языческой разграбленной лавки.– Голос Армении, 26 февраля.

2 0 0 5

47.Кубатъян Георгий. От слова до слова. Комментарий к циклу О.Мандельштама «Армения» [Журнальный вариант].– Вопросы литературы, №5, сентябрь-октябрь, с. 146–182.

48.Кубатъян Георгий. Ворванный воздух. Статьи и заметки. Ер., изд. РАУ, 505 с. В составе книги: От слова до слова. Комментарий к циклу О.Мандельштама «Армения», с.7-66; После интермедии, или Мало в них было линейного (Е. Чаренц и О. Мандельштам), с. 67-87; Похититель воздуха, или Где эта улица? (Об О. Мандельштаме), с.418-421.

Ниже фрагменты, дающие представление о том, как комментируются – от слова до слова – все 12 стихотворений цикла, каждому из которых посвящена отдельная главка от трех до шести страниц:

«Во второй строфе <Первого стихотворения цикла “Армения”> комментария требует вторая строка <“Ты вся далеко за горой”>. Дело в “национальной специфике”, которую вряд ли без объяснений уловит русский читатель.

Прежде ни в зарубежных, ни в советских изданиях “Армении” строка не комментировалась. И году приблизительно в 85-м, не раньше, мне пришлось в голову спросить: а как, собственно, понимают её квалифицированные любители поэзии, включая знатоков Мандельштама? Краткий опрос не оставил сомнений – очевидный для армянина смысл от остальных ускользает. Ответом было либо пожатие плеч, либо предположение: Армения, мол, “далеко за горой”, потому что стихи писались в Тифлисе. Но ведь горой-то в цикле называется лишь Арарат, и, значит, ответ неудовлетворителен.

Нет, здесь иное. Преимущественная часть исконной территории нашей страны – за Араратом, за границей... Велика ли эта часть? Если нынешняя Республика Армения занимает чуть менее 30 тысяч квадратных километров, то в 1920 году, по окончании мировой войны, державы-победительницы отвели ей в оставшемся на бумаге Севрском договоре территорию в пять раз больше. Земли же, на которых Армения в самом начале IV века приняла христианство и где армяне жили вплоть до геноцида (1915–1922), – приблизительно 300 тысяч квадратных километров. По ту сторону государственной границы высится и сам Арарат, от века почитавшийся символом Армении. Вот отчего Мандельштам и написал “ты вся”.

Он выражал эту мысль и так и сяк, добиваясь внятности и недвусмысленности: то “заставлена <...> горой, / Ты потом и кровью полита”, то “На требе истории хриплой / Звучат голоса за горой”. Как тут не сказать: поэт ощущает Араратскую страну не со стороны, а изнутри. Мне приходит на память единственный аналог – Пушкин, сказавший устами Лауры в “Каменном госте”: “А далеко на севере, в Париже...” Петербуржец, для которого Париж – юг, смотрит на него не как русский, но как южанин, испанец. Вот и Мандельштам смотрит на Армению как армянин.

Только разобравшись в этой строке, можно понять и последующие. Вся Армения – там, за Араратом, а здесь – ответ её, здесь её образ, уменьшенный и расплывчатый, словно переводная картинка в наполненной водой чайной блюдечке. К переводным картинкам отсылает слово *декалькомани* на том же автографе, что и соответствующая строфа. Должно быть, это слово связалось в подсознании поэта с Арменией. Когда в июне 1931-го появились одно за другим два стихотворения, навеянных поездкой в Нагорный Карабах, то следом возникло “Сегодня можно снять декалькомани...”».

Из комментария к стих.7 («Не развалины, нет, но порубка могучего циркульного леса...»):

«Приспела пора разобраться с двумя определениями христианства. «Басенное» надлежит истолковать как баснословное – древнейшее, оваянное легендами. Но не только. В это слово Мандельштам, судя по всему, вкладывал и дополнительное значение – чистое, незамутненное, первоизданное. Сравните со строфой из «Канцоны»: *Край небритых гор еще неясен, / Мелколесья колетса щетина. / И свежа, как вымытая басня, / До оскомины зеленая долина.* У Мандельштама частенько случается, что слово влечет за собой знакомую картину. Либо схожая ситуация заставляет интуитивно потянуться за пригодившимся некогда словом /.../ в «Канцоне» с басней сравнивается горная долина. Но ведь и Звартноц расположен в горной (Араратской) долине. Мало того, в «Канцоне» поминается редколесье. Так и циркульный лес церковных руин, он тоже редок, ибо колонны-то вовсе не теснятся...

Помимо прочего слово *басня* навеивает ощущение детскости; басенный жанр к исходу позапрошлого века постепенно стал осознаваться жанром, адресованным по преимуществу детям И то же значение – детскости, непосредственности, наивности – порождает у читателей «Армении» слово *звериное*. К тому же звери – персонажи басен. (Для сравнения две фразы из «Путешествия в Армению»: «У Ламарка – басенные звери. Они приспособляются к условиям жизни по Лафонтену».) Двумя разными прилагательными Мандельштам дает уловить дыхание древности, первоначальности, незамутненной чистоты; страна, про которую он пишет, ассоциируется у него не с христианством вообще, но с ранним христианством.

Мандельштамовское слово прямо-таки лучится смыслами. Звериное

значит органичное, натуральное, живучее, сильное («звериное чутье <...> «Войны и мира»); «Великолепен стихотворный голод итальянских стариков, их зверский юношеский аппетит к гармонии...»). Но и это не все. Раннее христианство широко пользовалось образами зверей и животных, как реальных, так и сказочных /.../ Помимо того звери представлялись эмблемами евангелистов. Этими представлениями ранних христиан и питалось воображение художников – иллюстраторов Священного писания. Хораны средневековых армянских манускриптов – орнаментированные арочные композиции на титульных листах Евангелия, – хораны невозможно представить без оживляющей растительный узор фауны. «Звериными мотивами» полны произведения камнерезов, украшавших армянские церкви, знаменитые и безвестные, стоявшие в городах и безлюдных урочищах... Так что звериное христианство – характеристика разом и неожиданная, и закономерная, и точная, и многослойная.

Вдобавок эпитет *звериное* перекидывает мостик и к зверушкам-детям, и к шестикрылому быку, и к рисующему льву; точно так же «якорные пни» заставляют вспомнить «якоря и трезубцы»; в итоге цикл – единый организм – крепится дополнительными «скобами».

Рец.: Ханджян Н. [Без названия], Вестник, 2006, № 3; *Лебёдушкина О.* Заполнение зазоров.– Дружба народов, 2006, № 8; *Степанян К.* Собиратель пространств.– Знамя, 2008, № 3.

Из рец. Ханджян Н.: «О построчном комментарии к циклу «Армения» надо сказать, что автором дан здесь поучительный образец конкретного литературоведения с его методикой медленного чтения, с проникновением во все детали, связи, «секреты» текстов. При скромном обозначении жанра этой работы Г.Кубатьяна в ней, однако, органично взаимосвязаны, слиты и всесторонний комментарий к циклу (историко-культурный, этно- и географический, биографический, связующий с широким литературным контекстом творчества самого поэта), и подетальный анализ стихов, с характеристиками стиля и поэтического инструментария Мандельштама, и интерпретация созданного им образа Армении, равно как и историософской концепции и лирического образа самого, обретшего в Армении «второе дыхание», поэта. Исполненное Г.Кубатьяном «медленное прочтение» армянского цикла Мандельштама - «поэта сложных метафор и витающих роями смыслов», поэта, в стихах которого «слово прямо-таки лучится смыслами», рождает цепь ассоциаций, обретает двойное, тройное «дно», – это, несомненно, серьезный вклад как в мандельштамоведение, так и в представляемое на русском языке арменоведение» (с. 211-212).

49.Кубатьян Георгий. Переключка, тождество и сходство. О переводческой практике А. Ахматовой и Б. Пастернака.– Дружба народов, № 10, с. 191–198, см. с.192–193).

50.Саакян Нелли. Звезда небесная. Итоговая книга стихов. Ер., 2005, с.101.

Поток сознания властителя
Памяти Осипа Мандельштама

*Что он здесь делает, этот печальный еврей,
элин и жрец, в снежных заносах России?
С темной и горестной зрелую речью своей —
что он здесь делает, в стылых пространствах России?*

*Мудрость азийская, густо-венозная кровь,
речь, удивленная собственной зоркостью. Ну же,
что он здесь делает, этот двугорбый еврей,
в вечных снегах, в вечной метели и стуже?*

*Мне доносили, что вновь одаряет собой,
в граде ледовом, как в жгучей пустыне, пророчит,
все еще верит и полон последней весной
и у окна, как у края Вселенной, бормочет.*

*Он еще жив? И в тетрадки упрямо строчит?
Жить — это дерзость, а он обвинять еще смеет?
Пусть же в последнем изгнании прить усмирит
и у сибирских костров свои старые кости прогреет.*

2 0 0 7

51.«Армения! Армения! Армянские мотивы в русской поэзии». Составитель Г.Кубатьян. Ер., Айгитак. В составе сборника (с. 40-52): цикл «Армения» и прилегающие (Как бык шестикрылый..., Как люб мне..., Колючая речь..., Дикая кошка..., И по-звериному..., Фаэтонщик, В год тридцать первый..., Захочешь пить...). Там же: **А. Кушнер.** Памяти Мандельштама, с. 196.

2 0 0 8

52.Арутюнян Артем. Тема сожженной Шуши в стихотворении Осипа Мандельштама. – Айоц ашхар (Армянский мир), 23 июля.

Автор подробно разбирает стихотворение «Фаэтонщик» и по ходу анализа приводит свой, без двух стрóf, рифмованный его перевод. Заслуживает внимания следующий пассаж: «Годы назад в нашем дедовском доме в Степанакерте я прочел это стихотворение своему отцу, поэту Микаэлу Арутюняну, уроженцу Шуши. Отец сказал, что моя бабушка-шушинка Арусаяк Христофорова наверняка будет знать, кто же тот уродливый жуткий фаэтонщик. И бабушка на самом деле знала. То был азербайджанец Хасан с лицом, обезображенным сифилисом; его именем армяне пугали детей».

53.Ахвердян Г.Р. О единственном эпитафии из Гейне к стихотворению Мандельштама «В тот вечер не гудел стрелчатый лес органа».— Актуальные

проблемы литературы и культуры (Вопросы филологии. Выпуск 3). Часть 1, Ер., Лингва, 2008. с.69-74.

54.Кубатьян Георгий. Помнить о поэте.– Воронежский курьер, 5 сентября.

55.Свасьян Карен. Андрей Белый и Осип Мандельштам.– «Сохрани мою речь...». Вып. 4, кн. 2, М., РГГУ, с. 304–318.

2 0 0 9

56.Акопян Левон. К истолкованию образа «слепая ласточка» в стихотворении Мандельштама «Когда Психея-жизнь...».– Декабрьские литературные чтения. Вып. X. Ер., изд. ЕГУ, с.17-21.

57.Кубатьян Георгий. Два эха. Автореминисценции в стихах О.Мандельштама.– Миры Осипа Мандельштама. Мандельштам. чтения. Материалы междунаро. науч. семинара 31 мая-4 июня, Пермь-Чердынь. Пермь: Перм. гос. пед. университет, с. 213–220. То же: Вопросы литературы, 2012, № 3, май–июнь, с. 88–99.

2 0 1 0

58.Мандельштам О. Стихотворения / Пер. Р. Бейлера. – Нарцисс, №3, с. 57–63.

В издаваемом в Ереване ж-ле «Нарцисс» опубликована большая подборка стихотворений О. М.: «В таверне воровская шайка...», «Поговорим о Риме – дивный град!», «Бессонница. Гомер. Тугие паруса», «Не веря воскресенья чуду...», «Черепашка», «Когда Психея-жизнь спускается к теням...», «Чуть мерцает призрачная сцена...», «Помоги, Господь, эту ночь прожить...», «Небо вечери в стену влюбилось...», «Чтоб, приятель и ветра и капель...», «Здесь отвратительные жабы...», «Истончается тонкий тлен...», «Как овцы жалкою толпой...», «Я знаю, что обман в видении немислим...». Под стихами проставлены даты написания. Подборка завершается небольшим послесловием поэта Шанта Мкртчяна.

59.Саакян Нелли. «Познать свою кость».– В кн.: «Моя галерея /портреты, эссе/». Ер., изд. Зангак-97, с. 114-124.

“Я не могу сказать, что я читала эти прозу и стихи: я их изучала, проходила, как проходят в школе какой-нибудь любимый предмет. В старину поэзию называли радостная наука, подчеркивая этим, что настоящая поэзия еще и учит ненароком, несет знание занимательное, красочное, образное, эмоциональное, словом, радостное. И если поэты делятся на соловьев и пророков, нетрудно догадаться, какой именно случай перед нами. Перед нами волхование. Гениальное наборматывание. "Меня преследуют две-три случайных фразы..." Волхв Мандельштам. Во всяком случае только волхв или маг мог создать эти драгоценные крупинки метафор. Этого не высидишь старательностью, прицельностью. Это подлинный "подарок зрения".

Да, подарок зрения. Но иногда всё же и акмеистическая перенасыщенность, отвердевание слишком перенасыщенного раствора, уже выпадающего

кристаллами. Местами уже усталость текста, даже темноватость его и наша, читательская, жажда проходной, никчемной фразы. Местами уже утомленное богатство стиля. Ведь он сам говорил о "физиологии чтения". Но новая вспышка орлиности и блеска заставляет забыть об этих маленьких насильственностях. "Персидская миниатюра косит испуганным миндалевидным глазом". За эту изумительность можно отдать полцарства. Особенно за это – "испуганная". Или за это - "горячее конское око красавицы". Его определения убийственны: "речь жирная, адвокатская", "овощные краски Ван-Гога", "твердолобый перестук бильярдных шаров"..."

2 0 1 1

60. Азарян Н. «Путешествие в Армению» как «переломное» произведение в поэтической эволюции Мандельштама.– Русский язык и литература в научной парадигме XXI века». Материалы международной научной конференции (9-21 октября 2011г.). Ер., изд. ЕГУ, 2011, с.203–206.

61. Кубатьян Георгий. Направленным лучом (Рец.на кн.: П. Нерлер. Слово и «дело» Осипа Мандельштама) .– Знамя, № 9, с.222-226.

62. Кубатьян Георгий. Предвкушая праздник. Армянская тема в «Четвёртой прозе».– «Сохрани мою речь...». Вып. 5, кн. 2. М., РГГУ, с. 396–406. То же: Вопросы литературы, 2012, № 3, май-июнь, с. 65–76.

63. Сагоян Э.Х. Армянский «мир» в русском тексте (на материале «Путешествия в Армению» О.Мандельштама и очерка В.Гроссмана «Добро вам!»).– Русский язык и литература в научной парадигме XXI века», с.170-174.

2 0 1 2

64. Кубатьян Георгий. Бегство в Армению и другие этюды о Мандельштаме (Предвкушая праздник. Бегство в Армению. Два эха).– Вопросы литературы, май-июнь, с. 65–99.

65. Мандельштам О. Поэзия. Проза. Пер. Р. Бейлеряна. Ер., Наири, 2012, 380 с.;

Книге предпослана статья С.Аверинцева «Судьба и весть Осипа Мандельштама». В качестве составителя и автора комментариев снова фигурирует А.Мовсес, а единственного переводчика – Р. Бейлерян (в комментариях к стихотворениям «Рождение улыбки», «Я в львиный ров и в крепость погружён...», «Чтоб, приятель и ветра и капель...» приведены также переводы, выполненные А. Мовсесом). Многие свои прежние переводы Р. Бейлерян пересмотрел, а некоторые стихотворения перевёл заново. Структура книги (см. выше: кн.«Меганом») сохранена, но состав её расширен. В поэтический раздел включено дополнительно 17 стихотворений, и общее их число доведено до 147. Наиболее существенно пополнился раздел прозы – за счёт «Путешествия в Армению», а также статей «Франсуа Виллон», «Пшеница человеческая», «Гуманизм и современность», «Заметки о поэзии»; «Четвёртая проза» также дана в переводе Р. Бейлеряна.

2 0 1 3

66. Ахвердян Г.Р. О стихотворении в прозе Кара-Дарвиша в переводе с армянского О.Мандельштама.– Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество». Крымский Ахматовский науч. сборник. Вып. 11, Симферополь. Крымский Архив, Бизнес-Информ, с.162-177.

2 0 1 6

67. Акопян Левон. Ласточка. Психея. Персефона (О стихотворении О.Мандельштама «Когда Психея-жизнь спускается к теням...»).– «Вестник Ереванского университета. Русская филология», №1(4), с.25-41.

68. Саакян Нелли. «Познать свою кость...». –Голос Армении, 3 марта, с. 6.

Ключевые слова: *125-летие со дня рождения О. Мандельштама, свод, автор, сочинение, перевод, аннотация, фрагмент*

ՆԱՏԱԼԻԱ ԳՈՆՉԱՐ, ԿԱՐԻՆԵ ՄԽԻԹԱՐՅԱՆ – Օսիպ Մանդելշտամի հանդեպ Հայաստանի կենդանի ուշադրությունը – XX դարի ռուս մեծ բանաստեղծ Օ. Մանդելշտամի կյանքի ու ստեղծագործության սերտ աղերսները Հայաստանի հետ քաջ հայտնի են շատերին: Այդ տեսակետից բացառիկ արժեք ունեն նրա հանրահայտ «հայկական էջերը», որոնք էլ պատճառ են դարձել բանաստեղծի կյանքի ու գրական ժառանգության հանդեպ հայ ժողովրդի դրսևորած արտակարգ ուշադրության: Ասվածի լավագույն վկայությունն է նրա ծննդյան 125-ամյակի առթիվ ընթերցողի դատին ներկայացվող վերջին կես դարում Հայաստանում հայերի կողմից նրան նվիրված տարաբնույթ հրապարակումների մատենագիտական տեսությունը:

Բանալի բառեր – *Օ. Մանդելշտամի ծննդյան 125-ամյակը, հավաքածու, հեղինակ, ստեղծագործություն, թարգմանություն, անտոսցիա, հատված*

NATALIA GONCHAR, KARINE MKHITARYAN – The Total of Semi-centennial Attention in Armenia to Osip Mandelshtam. – The collection is composed in commemoration the 125th anniversary of XX century great Russian poet Osip Mandelshtam. It is known, that Armenia, Armenian impressions, motives rank high place in Mandelshtam's poetry and prose. So a great number of publications, translations, studies, articles, editions devoted to Mandelshtam were created and stored in Armenia from 1966th till now. This material is presented in the bibliographical collection. Many components of it are accompanied by annotations, commentary, fragments from most important texts.

Key words: *literary connections, 125th anniversary, collection, half century, author, component, annotation, fragment*